

Вэнь Чжэчэн сейчас даже не знал, как к этому относиться — полоска прогресса их отношений каким-то немыслимым образом откатилась к самому началу. Должен ли он радоваться? Выходит, то, что он раньше считал «отношениями», было лишь иллюзией, лопнувшим мыльным пузырем! Но, видя, как лицо Жун Юйхэна так и светится предвкушением, Вэнь Чжэчэну оставалось лишь подавить роящиеся в голове сомнения. Успокаивая его, он мягко произнес:

— Просто этот сюрприз оказался слишком внезапным... Я даже растерялся.

Услышав это, Жун Юйхэн радостно привалился к Вэнь Чжэчэну:

— То-то же!

— ...

Вскоре доставили еду. По комнате поплыл острый, будоражащий аппетит аромат. Жун Юйхэн устали коробками журнальный столик, и тот вмиг запестрел ярко-красными оттенками. У Вэнь Чжэчэна даже веко слегка дрогнуло...

Он помнил, что Жун Юйхэн вполне мог есть острое. Пытаясь сохранить остатки профессиональной ответственности, Вэнь Чжэчэн всё же предостерег своего домашнего хомячка:

— Съешь немного, чисто для вида. Если обсыпет прыщами, режиссер Цянь спустит с тебя три шкуры.

У Жун Юйхэна уже слюнки текли. Он во все глаза смотрел на блестящую от масла еду, его взгляд горд таким восторгом, что своего новоиспеченного парня он, очевидно, попросту перестал замечать.

Довольно потирая ладошки, Жун Юйхэн размышлял вслух:

— С чего бы начать? С ломтиков свинины в остром масле или с малахсянго?

Окончательно ставший невидимкой Вэнь Чжэчэн лишь промолчал:

— ...

Он заподозрил, что байка про маскировку покрасневших губ была лишь предлогом, который Жун Юйхэн выдумал, чтобы наесться на ночь глядя.

-

Жун Юйхэн устроился перед столиком и всю уплетал ночной перекус, а Вэнь Чжэчэн сидел рядом и заботливо полоскал кусочки мяса в воде, смывая с них острый перец. И только очистив как следует, клал в пиалу Жун Юйхэна.

Глядя на слой красного масла, плавающий в чашке с водой, Жун Юйхэн с неподдельной болью в голосе воскликнул:

— Ты же вымыл из них всю душу!

Вэнь Чжэчэн мгновенно подстроился под его логику и в свое оправдание парировал:

— Я очищаю их души.

Жун Юйхэн посмотрел на блеклый, лишенный всякого вкуса кусочек мяса и тихо восхитился:

— Да уж, отмыл до кристальной чистоты.

Покончив с лишенным души ужином, они заметили, что время перевалило за полночь. Завтра предстояли съемки, поэтому Жун Юйхэн наскоро прибрал пустые коробки и стал выпроваживать Вэнь Чжэчэна к себе спать.

Тот нерешительно мялся, не желая уходить:

— Может, я сегодня останусь у тебя?

Жун Юйхэн смерил его многозначительным взглядом. Ему показалось, что с началом официальных отношений Вэнь Чжэчэн знатно обнаглел: не успели они поцеловаться, как тот уже напрашивается в постель.

— Нельзя. Маленькому хомячку нужно развиваться самостоятельно.

— Думаю, ускорить этот процесс тоже не помешает, — возразил Вэнь Чжэчэн.

Жун Юйхэн нахмурился. Он заподозрил здесь двусмысленный намек.

После неоднократных попыток выставить гостя Вэнь Чжэчэна наконец вытолкали за дверь. Приоткрыв её на щелочку, Жун Юйхэн выглянул наружу и негромко зашептал:

— Давай, иди к себе, иди...

— Ладно, — отозвался Вэнь Чжэчэн с легким разочарованием.

Мужчине, который долгое время сдерживал себя, стоило лишь однажды вкусить сладость, как сохранять прежнее хладнокровие стало невероятно трудно. Даже его внутренний настрой кардинально изменился: теперь ему хотелось ежесекундно целовать, обнимать и ни на шаг не отпускать любимого человека.

В какой-то миг Вэнь Чжэчэну даже показалось, что Жун Юйхэн прав — они действительно начали встречаться только сейчас.

Разве те прежние двусмысленные намеки и флирт можно было назвать настоящими отношениями?

Чувствуя легкую досаду, Вэнь Чжэчэн отступил на шаг:

— Тогда я пошел.

— Эй... — вдруг окликнул его Жун Юйхэн, высунув голову из-за двери. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что в коридоре никого нет, он схватил Вэнь Чжэчэна за воротник, притянул к себе и звонко чмокнул в щеку.

Чмокнув его, он тут же спрятался обратно. С порозовевшими щеками и сияющими от восторга глазами он выдохнул:

— Доброй ночи! Люблю тебя!

Дверь с тихим щелчком закрылась.

Вэнь Чжэчэн еще долго стоял перед запертой дверью как вкопанный.

Придя в себя, он почувствовал, что его лицо пылает, а уголки губ даже затекли — он так сильно пытался сдержать улыбку, что мышцы лица едва не свело.

Офигеть.

Прижав ладонь к щеке, куда его только что звонко поцеловал Жун Юйхэн, окутанный невидимыми розовыми облаками счастья, он буквально уплыл к себе в номер.

Вэнь Чжэчэн думал: его Жунжун пусть и немного стеснителен, но всё же такой милый.

Он казался ему невероятно сладким еще до того, как они начали встречаться, а уж теперь это просто сводило его с ума.

Для обоих, чья шкала отношений успешно перезапустилась с отметки «встречаемся», ночь прошла в сладких грезах. Но когда на следующее утро Жун Юйхэн проснулся, Ши Цю едва не лишилась чувств:

— Что с твоими губами?!

Ши Цю стояла перед кроватью Жун Юйхэна. Тот всё еще сидел под одеялом, а его растрепанный вихор забавно колыбался от утреннего сквозняка. Губы у него были припухшими и ярко-красными.

У Ши Цю в голове промелькнула шальная мысль: «Мать твою... Выглядит так, будто его нещадно терзали!»

Жун Юйхэн указал пальцем на столик:

— Вчера съел немного на ночь.

— Ты что, медузу жевал? — Ши Цю решительно ничего не понимала, пока не подошла ближе и не увидела это ослепительно-красное пиршество.

— ...

Ну ничего себе.

— Во время съемок осмелиться наестся такой остроты... — недовольно проворчала Ши Цю. — Посмотрим, как режиссер Цянь устроит тебе головомойку.

— ...

Хотя вина за это целиком лежала на его «хозяине» Вэнь Чжэчэне, рассудительный хомячок Жун решил взять удар на себя.

Он виновато опустил голову и заговорил словами Вэнь Чжэчэна:

— В человеческой жизни невозможно всё делать идеально, ошибки неизбежны...

Ши Цю холодно усмехнулась:

— А я, как твой ответственный агент, выбираю нулевую терпимость к таким ошибкам.

Недоговоренные оправдания Жун Юйхэна тут же застряли у него в горле.

— ...

Всё-таки его всепрощение по отношению к Вэнь Чжэчэну держалось исключительно на великой и бескорыстной любви.

Хотя губы Жун Юйхэна слегка припухли, по дороге на съемочную площадку он полчаса прикладывал к ним лед, и отек почти сошел. После легкого грима сниматься можно было без проблем.

Ши Цю уже собиралась забыть об этом инциденте, как вдруг заметила остановившийся неподалеку минивэн Вэнь Чжэчэна. Тот вышел из машины, прижимая к губам пакет со льдом, а его рот выглядел заметно покрасневшим.

Ши Цю:

—

Жун Юйхэн виновато отвел взгляд и бочком-бочком направился к гримерке. Ему, как гражданскому лицу, следовало поскорее эвакуироваться с поля боя.

Но не успел он сделать и нескольких шагов, как услышал, что стоящая сзади Ши Цю окликнула Вэнь Чжэчэна:

— Учитель Вэнь!

— Да? — отозвался тот.

— Вы тоже вчера наелись на ночь острого? — спросила Ши Цю.

— Да, вчера мне ужасно захотелось чего-нибудь такого, и я заставил Жунжуна составить мне компанию, — ответил Вэнь Чжэчэн.

Ши Цю лишь промолчала. Без этого слова «заставил» его оправдание звучало бы куда убедительнее.

Жун Юйхэн перестал переставлять ноги и обернулся к Вэнь Чжэчэну. Тот стоял, слегка опустив голову, с покаянным видом искренне извиняясь перед её агентом. В нем не было ни капли высокомерия, присущего обладателю трех престижных кинопремий.

На душе у Жун Юйхэна потеплело, его охватило щемящее чувство благодарности. Измениться ради кого-то — задача не из легких, но поступиться своей гордостью и авторитетом куда сложнее.

Под многозначительным взглядом Ши Цю Жун Юйхэн неторопливо попятился назад, пристраиваясь к Вэнь Чжэчэну, и они под ручку пошли в сторону гримерки.

По дороге Жун Юйхэн шмыгнул носом и растроганно прошептал:

— Хозяин, ты даже взял всю вину на себя...

Вэнь Чжэчэн нежно посмотрел на него и выдал очередную порцию банальной романтики:

— Ради тебя я готов всю жизнь брать на себя косяки размером с небоскреб.

Восторженный взгляд Жун Юйхэна мгновенно остекленел. Выждав пару секунд, он тихо заметил:

— Ну, я всё же не настолько ходячая катастрофа.

— ...

После съемок сегодняшней сцены сюжет должен был сосредоточиться на восхождении Хуайцина, поэтому персонаж Цзюянь и остальные члены банды Линьтянь временно выбывали из повествования.

Из-за смены сезона и занятости съемочных площадок сцены с участием Цзюяня на более поздних этапах нельзя было отснять заранее. Поэтому Хэ Чжоу покидал съемочную группу, чтобы вернуться к работе уже на завершающем этапе.

Перед отъездом все, кто успел с ним сдружиться, вышли проводить актера. Хэ Чжоу обнял каждого по очереди, а напоследок взъерошил волосы Жун Юйхэну:

— Старайся вовсю на съемках.

Жун Юйхэн закивал:

— Обязательно, брат Чжоу! Ждем твоего возвращения!

Хэ Чжоу улыбнулся и сел в машину.

Проводив Хэ Чжоу, все пошли обратно. Жун Юйхэн вдруг почувствовал, что кто-то пристроился рядом. Обернувшись, он увидел своего «хозяина» Вэнь Чжэчэна.

Вэнь Чжэчэн с ревнивым видом косился на макушку его головы, и взгляд его так и сквозил недовольством:

— Ты же не общественный хомяк, с какой стати он распускает руки и гладит тебя по шерстке?

Жун Юйхэн тут же подставил ему голову:

— Хочешь, потискай меня тоже?

Вэнь Чжэчэн уставился на эту пушистую макушку и малодушно признался себе, что безумно хочет это сделать.

Но кругом толпились коллеги по съемочной площадке, а Ши Цю и Цюй Юйхэ следили за ними в оба глаза, словно боялись, что эти двое перейдут дозволенные границы.